

Всеволод Михайлович Гаршин. Аясларское дело

OCR, spellcheck: Pirat

Доп. правка: В. Есаулов, 16 декабря 2004 г.

I

Мы две недели стояли в Ковачице. Вяло, однообразно течет лагерная жизнь, когда нет никакого дела, да еще в такой глуши. Впрочем, глушью Ковачицу назвать было бы несправедливо: в ней находился наш корпусный штаб, почтовое отделение – словом, средства узнать что-нибудь, что делается в окружающем мире, а главное, на обоих театрах войны и в далекой дорогой родине. Мы, по правде сказать, все-таки не были избалованы свежестью и обилием новостей, да к тому же они часто являлись к нам обезображенные и преувеличенные. Темные слухи о первых плевненских неудачах были до того преувеличены, что только газеты двух- и трехнедельного возраста рассеяли мрачность, царившую среди офицеров. Кажется, по прямой дороге из Плевны к нам было бы ближе, чем через Петербург и Москву, однако "коли в объезд – верста, а напрямик – пять", – говорится в сказке.

Наша бригада скучала. Правда, один раз часть Нежинского полка ходила на рекогносцировку, или, вернее, для наказания вооруженных и восставших жителей, в Лом. Пошли, наказали и вернулись. Одного потеряли убитым, и один солдат спасся каким-то чудом.

– Стали мы ворочаться, а башибузуки издали попаливают. Приотстал я маленько: выстрелить обернулся; только стал подгонять – как хватит она меня в спину! Да неловко пришлось – в шинель угодила. Семь сукон пробила, в восьмой запуталась.

"Она" – конечно, пуля. У солдатика действительно в развернутой шинели оказалось семь причудливо расположенных дыр.

– И только, братцы мои, поспел я зреет на себя положить, глянь – торбочку дернуло, а в ней две дыры у самой ноги, и крошки сухарные сыплются!

– Отведала, да и ушла. Нескусны наши российские сухарики! – острит кто-то.

Между тем как мы стояли в Ковачице и, по выражению некоторых, "кисли", впереди, на боевой линии, у Попкиоя, часто происходили стычки.

9 августа наш полковой доктор назначил "телесный смотр". Собираться к третьему батальону (который стоял отдельно). Наша рота собралась раньше всех; нас выстроили и повели на место сбора. Это была небольшая площадка, свободная от палаток и орудий. Здесь мы остановились; доктора не было, и приходилось ждать. От нечего делать я стал смотреть на палатки. Странную картину представляет лагерь в военное время. Маленькие солдатские палатки ярко белеют, облитые солнцем; ружейные козлы и разноцветные фигуры солдат пестрят этот белый фон. Преобладают лиловые цвета пестрядиных рубах; затем краснеют кумачовые, желтеют, алеют, зеленеют ситцевые. Черные мундиры надеваются разве только на какую-нибудь службу: все предпочитают самое неумеренное дезабилье. Тут голые ноги, там голая спина и грудь. Сапог не надевают потому, что жарко, да и беречь их надо, тысяча верст похода дала им себя знать.

Мы ждали довольно долго; кто-то пошел доложить доктору, что люди собираются. Но нам, видно, не суждено было испытать "телесного смотра". В палатку командира третьего батальона вбежал полковой адъютант, и тотчас же очень низенький и полный майор Ф – ский вылетел из палатки почти без всякого одеяния, снятого им с себя по случаю жары.

– Третий батальон, снимай палатки! Ранцев не брать! – звонко закричал он.

И затем скрылся в своем помещении, которое тотчас же было снято и обнаружило майора, сидящего на складном табурете и надевающего, при помощи денщика, различные необходимые части туалета. Между тем третий батальон сразу изменил свой вид. Из всех палаток, как муравьи, вылезли люди; быстро надевались мундиры, палатки исчезали, свертывались, шинели скатывались. И через пять минут после появления майора Ф – ского из палатки вместо пестроты спокойного бивуака явились темные стройные ряды! Кое-где солнце